

УДК 821.161.1

**ОБРАЗЫ «НОВОЙ ЭПОХИ», ЕЕ ПОДВИЖНИКОВ
И ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. П. ПЛАТОНОВА
(на основе анализа персонажей-антагонистов повести «Ювенильное море»)**

Н. В. Чернявская, Е. М. Гуделева

Владимирский государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

Статья посвящена детальному анализу образов персонажей-антагонистов в «Ювенильном море» А. П. Платонова. Эта повесть – гимн вечно молодому человеческому духу, его дерзаниям и устремлениям – и такие историко-политические феномены, как «социализм», «большевизм», «коммунизм» оказываются для писателя не более чем исходной точкой в свершениях духа (в связи с этим в тексте повести они употребляются как синонимичные понятия). Задачей статьи является определить смысл оппозиции персонажей и специфику героев каждой из групп повести. В результате проведенного анализа выявляется сложный характер оппозиции персонажей: частично он носит идеологический характер, а частично объясняется разницей в мироощущении, жизненной позиции и самосознании героев. Также в статье отмечается сложный характер героев каждой из антагонистических групп. Герои-коммунисты Платонова, строители новой жизни, сочетают в себе романтическое увлечение общим делом и альтруизм с идеологической нетерпимостью и безжалостностью по отношению к инакомыслящим. Образ антигероя пореволюционной страны (представленный в повести фигурой Умрищева) также не исчерпывается идеологическим статусом оппортуниста и отчетливо соотносится в повести с типами «лишнего человека» и «маленького человека». Художественное пространство, отведенное антигерою, настолько значительно, что позволяет предположить особую его важность для автора. История Умрищева рассматривается в статье как череда жизненных катастроф – череда поражений «лишнего человека» в его попытках обмануть свою судьбу, свою обреченность. Указанные характеристики персонажей-антагонистов делают конфликт между группами персонажей особенно напряженным и неразрешимым и свидетельствуют о драматическом видении Платоновым пореволюционной России.

Ключевые слова: *герой, антигерой, персонажи-антагонисты, русская литература 20-30-х гг. XX века, «новая эпоха», «лишний человек», «маленький человек».*

«Ювенильное море» – повесть 1934 г., в которой писатель – неожиданно после «Чевенгура» и «Котлована» – возвращается к романтическому видению пореволюционной эпохи [2; 4]. В художественном мире повести это время – пора великих надежд и героических попыток поднять бытие человечества на новый уровень: сделать условия жизни более благополучными, а существование людей – более одухотворенным и осмысленным. Противоречивый, подчас жестокий характер 20–30-х гг., естественно, также находится в поле зрения автора (и отражен в тексте «Ювенильного моря») – но эти моменты оттесняются на второй план чрезвычайно оптимистичным пафосом книги, радостным предчувствием всеобщего счастья. По

данной причине и политическая составляющая эпохи парадоксально не является определяющим началом в произведении о пореволюционной стране.

При подобном пафосе книги центральными ее персонажами закономерно оказываются революционеры и коммунисты, те, кто реформирует систему социальных и экономических отношений в стране, изобретает для этого технические составляющие новой жизни и воплощает их в реальность: командированный в «Родительские дворики» инженер и музыкант Николай Вермо, его соратники: секретарь гуртовой партиячейки, а затем директор мясосовхоза Надежда Босталоева и несколько дополнительных персонажей – кузнец Кемаль, зоотехник Високовский, старая колхозница Мавра Федератовна.

Вместе с тем в систему персонажей повести включен образ человека, чуждого новому времени, – это оппортунист Адриан Умрищев. «Оппортунистом» называют его остальные персонажи повести, и, как и в случае с другими политическими категориями, обозначение это отчасти метафорично и указывает не столько на характер воззрений героя (они далеки от политики), сколько на более значительную его несхожесть с героями-деятелями. Целью настоящей статьи является определить смысл оппозиции Умрищева и остальных персонажей повести, а также специфику героев каждой из групп.

Отличительной особенностью всех героев-деятелей является абсолютное ментальное благополучие. Все они безоговорочно уверены в истинности своего дела, в его необходимости для человечества, в своем праве создавать новый мир. Отсюда следует, во-первых, их особенный, неисчерпаемый энтузиазм романтиков, не знающих уныния и усталости (этот мотив в повести гиперболизирован: увлеченные переустройством жизни, герои способны по несколько дней обходиться без сна и еды – в связи с чем их можно назвать героями-подвижниками), а во-вторых – своеобразное агрессивное мессианство героев. Осознавая себя провозвестниками новой жизни в «стране трудного счастья», герои-коммунисты считают необходимым насильственное насаждение новых целей и идеалов, а также их неотступную охрану как от врагов, так и от неверящих. Так, например, Федератовна позиционирует себя именно как стража молодого государства уже на первых страницах книги. *Агрессивным* (Здесь и далее курсив наш. – Н. Ч., Е. Г.) мы назвали мессианство героев также и потому, что охрана молодой страны, ее достижений может осуществляться, с их точки зрения, только одним способом – уничтожением существующих и потенциальных «стервцов». О поголовном уничтожении части человечества неоднократно говорит каждый из ключевых героев-романтиков «Ювенильного моря»; что особенно важно, говорит как о само собой разумеющемся, как о прописной истине («Всех жалеть не нужно <...> многих нужно убить», – вскользь бросает одна из работниц «Родительских дворики» [3, с. 462]). Тем самым уничтожается всякая возможность рассматривать ситуацию как условную, а отдельные мотивы произведения как антиутопические. По-видимому, с точки зрения Платонова, речь идет об уже сложившихся правилах нового общества, нового мира, – к ним можно относиться как угодно, но их приходится принимать как данность.

Итак, герои-подвижники непримиримы в неприятии всего, что может угрожать их прекрасному будущему. Интересно, что это неприятие носит очень странный, сложный характер. Будучи для них обыденностью, нормой жизни, оно вместе с тем может быть связано с невероятным накалом страсти, ненавистью до остервенения, до самозабвения. Но и эта безмерная ненависть и страстность непременно сочетаются с безупречным расчетом: злоба не срывается на первом попавшемся, не сбрасывается «в пространство» – она бережется до встречи с врагом.

Еще один необычный момент: переполняющее героев чувство ненависти не разрушает их личности, не накладывает никакого отпечатка на их душу: «Босталоева ответила [на предложение Вермо сохранить Умрищева в качестве “памятника историческому идиотизму”], что поучительные памятники следует устраивать после гибели враждебных существ, – теперь же нужно заботиться только об их безвозвратной смерти. Вермо наклонился с седла, чтобы лучше рассмотреть классовое зло на лице Босталоевой, но лицо ее было счастливым, и серые глаза были открыты как рассвет, как утреннее пространство...» [Там же, с. 479] – ситуация, совершенно невозможная для предшествующей литературы, одной из фундаментальных идей которой является невозможность для человеческой души вмещать бездну ненависти: в противном случае душа распадается, человек лишается человеческого облика. Герои Платонова, способные на убийство любого масштаба, остаются вполне человеческими: это видно как из процитированного отрывка, так, в частности, и из сюжетной линии Федератовны. Героиня, не доверяющая почти никому, пребывающая в постоянной готовности к злобе, сохраняет способность к простой человеческой привязанности и горю (например, получив назначение в умрищевский колхоз, она искренне горюет о разлуке с любимыми ею Вермо и Босталоевой).

Независимость героев-коммунистов от связанного с ними ужаса, очевидно, является одной из загадок «Ювенильного моря» (как является, например, загадкой жанровая природа книги, сочетающей романтический гимн человеку с колоссальным реестром утопически-универсальных технических новинок; как остается загадкой история чувств ее персонажей: например, любовный сюжет главных героев, Вермо и Босталоевой, образован чередованием эпизодов их взаимной симпатии и странного отчуждения: «Вермо глядел Босталоевой вслед и думал, сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить из ее тела. “Зачем строят крематории? – с грустью удивлялся инженер. – Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота, различных стройматериалов и оборудования”» [Там же, с. 458]). Возможно, это – художественная деталь, говорящая о некоторых особенностях мировоззрения людей новой эпохи, а именно: о чрезвычайной нетерпимости ко всему, что не согласуется с их представлением о правильном образе жизни. Нетерпимости, при которой инакомыслящие кажутся ущербными, недостойными быть людьми, – а потому недостойными и того комплекса этических запретов, который превращает убийство – в преступление и в моральный груз – ненависть к себе подобным. В пользу этого предположения говорит тот, например, факт, что довольно часто романтические герои-подвижники отказывают негодным им людям в человеческих чувствах. Еще один вариант объяснения многочисленных противоречий в характерах и поступках героев-коммунистов: взятые в совокупности, они являются своеобразным художественным знаком, говорящим о невозможности для писателя полностью понять и прокомментировать данный образ мыслей, возможно – о чуждости для него людей новой формации.

Не менее интересным и неоднозначным представляется нам и Умрищев.

Как было отмечено выше, первое, что обращает на себя внимание в этом персонаже, – его роль оппортуниста и единоличника, «помехи» нового мира. Вместе с тем, на наш взгляд, его роль в повести отнюдь не исчерпывается ролью классового врага. Он – единственный в повести герой, имеющий развернутую и сложную историю (и даже предысторию); более того, он – единственный динамичный персонаж, его жизненная позиция меняется несколько раз на протяжении текста. Художественное пространство, отведенное ему – герою второго плана, – настолько значительно, что позволяет предположить особую его важность для автора.

В целом биографию героя можно рассматривать как цепь жизненных катастроф, и в предыстории (Умрищев рассказывает ее Вермо, только что прибывшему в «Родительские дворики») говорится о первом звене этой цепи. Адриан Умрищев некоторое время служил «по разным постам Союза Советов»; возвратившись из очередной командировки, он обнаружил, что изменилась вся структура, в которой он служил. Новые ответственные исполнители зачислили Умрищева в штат «невьясненных» (непонятных новому времени людей, чья личность и документы проверяются). Далее Умрищев рассказал о своей беде незнакомому начальнику – и получил направление в мясосовхоз «довьясниться на практической работе».

Предыстория интересна, во-первых, тем, что в ней задан характер судьбы героя, смысл влияния на нее нового времени: прогресс на своем пути неизбежно разрушает отдельные случайные судьбы; и Умрищев (потерявший привычный ему мир, утративший даже самого себя в глазах окружающих) – из числа этих случайных жертв. Во-вторых, здесь определяется и характер его поведения в этой и похожих ситуациях: по-своему героические попытки вернуть себе право распоряжаться собственной жизнью, уберечь ее от произвола истории (забегая вперед, отметим, что в предыстории говорится о единственном случае, когда усилия героя оказываются для него спасительными).

Далее во вступительной части повести, которая целиком посвящена знакомству Умрищева-директора и командированного инженера-музыканта (предыстория героя является своеобразной вставной новеллой внутри вступления), определяются еще некоторые аспекты истории Умрищева (обратим внимание на некоторую парадоксальность, заключенную в композиции повести: произведение, воспевающее строителей новой эпохи, их неукротимую энергию и энтузиазм, обладает довольно объемным и подробным вступлением (особенно по сравнению с динамичным сюжетом основного повествования), в центре которого находится безусловный антигерой новой жизни. Это обстоятельство, возможно, может быть подтверждением нашего предположения об особой значимости для Платонова фигуры Умрищева). Первое, что обращает на себя внимание, – странное впечатление, остающееся у Вермо от нового знакомства. Интуитивно (как некоторые другие близкие автору герои, инженер-музыкант обладает способностью ощущать состояние других животных, людей и мира в целом) он чувствует некоторую странность, инородность Умрищева: «... вот сидел перед ним старый человек, который не производил на него никакого ощущения, точно живший ранее начала летосчисления» [Там же, с. 456]. Эта инородность воспринимается героем-подвижником как нечто негативное: «– Могу, наверно, – пообещал Вермо [выполнить просьбу Умрищева и “отобразить его в музыке”], чувствуя бред жизни от своей усталости и от этого человека» [Там же, с. 453]. Причина этого безотчетного неприятия (Вермо, напомним, видит Умрищева первый раз в жизни), безусловно, кроется в кардинальном несовпадении личностей собеседников: первый из двух приведенных отрывков отчетливо противопоставляет героев. Настоячивое подчеркивание в этом эпизоде альтруизма, искренней веры инженера-музыканта в идеальное будущее человечества и его поэтической любви к этой будущей жизни, без сомнения, указывает также и на отсутствие названных начал в душе Умрищева.

Из ряда авторских комментариев, включенных в текст вступления, можно сделать вывод, что же занимает в душе героя, чуждого романтическому ожиданию будущего, центральное место. Мир Умрищева – это мир книг и тишины. Читающим в ночной тишине застаёт его Вермо в начале повести – и далее, во всех эпизодах, где герой предоставлен сам себе, он читает либо размышляет над книгой. Его выбор, на

первый взгляд, кажется неожиданным: это книги, принадлежащие прошлому, например, Вермо видит героя со «старинной книгой в заржавленном железном переплете» (впоследствии она оказывается хроникой царствования Иоанна Грозного). В сфере интересов героя, таким образом, – знания об историческом прошлом, своеобразная поэзия приобщенности к интересным событиям, чужим жизням, ощущения особой – читательской – тишины и умиротворенности (ее нередко дают книги даже об очень страшных эпохах: большая временная дистанция создает иллюзию, что все возможные несчастья остались в прошлом и все страдания, связанные с ними, изжиты).

В этом и заключается несходство Умрищева и Вермо, Умрищева и прочих героев-подвижников, Умрищева и эпохи великого строительства в целом: она требует от человека не лиричности – а веры в общее дело, в собственные силы; не знания прошлых эпох – а сведений практического характера. И самое главное, чего требует эра строительства новой жизни и чего нет у Умрищева (отчасти в силу его возраста: так же как Федератовна, он подчеркнута стар, отчасти в силу его мечтательности), – энтузиазма, готовности к немедленным Поступкам.

По этой причине Умрищев – «лишний человек» эпохи великих перемен (основанием соотнести рассматриваемого персонажа с известным социально-психологическим типом русской литературы середины XIX в. является характерная для всех «лишних людей» отчужденность от социально-функциональной структуры общества, их «душевная усталость и глубокий скептицизм» [1, с. 485] по отношению к исторической и социальной действительности). В данном случае «враг» – не активный и беспринципный противник, представляющий серьезную угрозу новому миру (дряхлый Умрищев даже при желании не смог бы заметно навредить). «Враг» – это всякий инакомыслящий, любой человек, кому по природе его нет места в той эпохе и в том мире, которые призван создать инженер-музыкант и его соратники.

В этом смысле «врагом» – чуждым, неуместным в новом мире, неприятным ему – осознает себя и сам герой. Особый трагизм ситуации сообщает тот факт, что никаких враждебных чувств: озлобленности, обиды за себя самого – в Умрищеве нет. «Быть может Умрищев с такой охотностью читал Иоанна Грозного, потому что ясно сознавал невзгоду своей жизни – ведь все враги сейчас сознательны – и глубоко, хотя и чисто исторически уважал целесообразность татарского ига и разумно не хотел соваться в железный самотек истории, где ему непременно будет отхвачена голова» [3, с. 456]. Помимо неожиданной и довольно рискованной параллели современных Платонову событий и эпохи татарского ига (по степени сложности для людей, надо думать), в этой фразе, во-первых, – безусловное приятие героем уже свершившихся перемен в его судьбе и в судьбе страны. Умрищев не рожден для этого времени, это не его стихия (поэтому он и уважает новое время «чисто исторически» – в отличие от героев-подвижников, которые влюблены в эпоху, словно в живое существо). Никакого личного, душевного участия происходящее в нем не вызывает – но, видимо, опыт чтения исторических сочинений привел Умрищева к мысли о неизбежности перемен – и он смиряется с неизбежным. Кроме того, обращают на себя внимание метафоры, передающие точку зрения героя на происходящее, и его эмоциональное состояние. Выражения «железный самотек истории» и «невзгода жизни», безусловно, говорят о непреодолимой тоске, о страхе человека перед чуждым ему началом, бесповоротно вторгшимся в его судьбу. Поэтому столь мрачно пророчество печальной судьбы этого человека в эпоху лихорадочных и великих свершений; а соотнесение персонажа с типом «лишнего человека» сообщает особую безысходность судьбе героя и дополнительное, драматическое, звучание на-

званной литературной категории в данном произведении: в пореволюционный период «лишний» – значит обреченный.

В случае Умрищева это пророчество, зашифрованное уже в его фамилии, почти сбывается дважды: дважды Умрищев старается сжиться с обстоятельствами, обезопасить себя – и оба раза его усилия оканчиваются провалом; его история – череда жизненных катастроф – представляет собой череду поражений «лишнего человека» в его попытках обмануть свою судьбу, свою обреченность. Первой из таких попыток становится его существование под лозунгом «А ты не суйся!» (Умрищев в это время – директор «Родительских дворишков»). Герой стремится стать как можно менее заметным, полагая, что таким образом контакты с чуждым ему новым миром сведутся к минимуму и, соответственно, разрушительная сила эпохи обойдет его стороной. Отсюда – особый стиль его директорствования: без каких бы то ни было нововведений. Общественная жизнь во владениях героя сведена к нулю, хозяйственные его распоряжения носят максимально нейтральный характер: «Меж тем Умрищев совершал свои замечания по гурту. Выйдя в пекарню, он опробовал хлеба и сказал ближним подчиненным: “Печь более вкусный хлеб”. Все согласились» [Там же, с. 461]. Как было упомянуто выше, постоянное расхищение окрестными кулаками имущества «Родительских дворишков», самоубийство Айны становятся причинами судебного разбирательства, в результате которого Умрищев смещен с поста директора.

Несостоятельность принципа «А ты не суйся!» в качестве метода самосохранения настолько выбивает героя из колеи, что на какое-то мгновение он становится почти контрреволюционером, решает «основать районное негласное оппортунистическое царство в форме Руси Иоанна Грозного» [Там же, с. 469] – произошедший бунт человека против эпохи. Впрочем, бунтарство очень скоро сменяется еще одной попыткой найти способ безопасного существования: после разоблачения Умрищев оказывается работником, а затем – председателем небольшого степного колхоза (как и в прошлый раз, его отправили «довьясниться на практической работе»). Здесь напуганный судебным процессом герой пытается сформировать для себя новый жизненный принцип: «Умрищев стал поступать наоборот своим мыслям: как только что надумает, так вспомнит, что его природа – это ведь оппортунизм, и совершит действие наоборот...» [Там же, с. 472]. Результатом этой весьма сложной методики стало то, что маленький человек Умрищев совершенно запутался в направлении «линии партии», в собственной природе и т. д. – и вместо колхоза создал вокруг себя структуру прямо противоположную: общину «зажиточных единоличников». Ситуация эта, как упоминалось выше, была выявлена и исправлена усилиями Федератовны: умрищевский колхоз был возвращен на правильный путь развития, сам же Умрищев окончательно сломлен – отсюда и чувство неуверенности, ставшее теперь доминантой его характера: «Он ходил теперь робко по земле, не зная, где ему место...» [Там же, с. 495.]

На этих последних этапах сюжетной линии Умрищева у персонажа появляются новые черты мироощущения и поведения, ранее не отмеченные в его облике. Герой, все более осознавая грозный, бескомпромиссный характер наступающего времени, постепенно понимает и собственную чужеродность, несовпадение с эпохой. Это ощущение, по-видимому, рождает в нем страх и приводит к попыткам подстроиться под эпоху, стать как можно незаметнее для нее, а в финале – даже переделать свой характер в угоду «большой истории» – вплоть до отказа от собственной личности.

Буквально на глазах читателя герой приобретает все большее сходство с типом «маленького человека». Умрищева и персонажей этой группы роднит «приниженность», отмеченная Ю. В. Манном [1, с. 494], ощущение непрочности своего положения в социуме. Волевое начало и выраженная индивидуальность, отличающие

героя на первых страницах повести, сменяются робостью, скованностью, по-видимому – желанием обрести опору в лице более благополучного и принятого в новой жизни человека (по крайней мере, только так мы можем объяснить совершенно неожиданный брачный союз героя и Федератовны в финале произведения: Федератовна воплощает собой энергичность и уверенность, которых не хватает герою, как бы восполняет собой его ущербность).

Перемены в образе Умрищева настолько разительны, что позволяют говорить о реализации пророчества, заложенного в его фамилии, – да, физически герой остается живым, но многое, составляющее его характер и сферу интересов, бесследно исчезло, умерло. Соотнесение с типом «маленького человека» в таком случае помогает понять степень перемен, произошедших с героем, а также экспансивный характер времени, которое способно превратить в «маленького человека» любого инакомыслящего.

Таким образом, анализ персонажей-антагонистов в системе образов «Ювенильного моря» показал, что и герои-подвижники, и персонаж-«враг» отличаются сложностью, известной противоречивостью, внутренним напряжением и драматизмом. Возможно, наиболее интересной и объясняющей указанные особенности персонажей повести является версия В. А. Чалмаева, который предлагает рассматривать «Ювенильное море» как свидетельство «немалых трудностей писателя в поиске положительного героя новой эпохи» [5, с. 59] (и положительного облика самой эпохи – добавим от себя).

Список литературы

1. Манн Ю. В. «Лишний человек»; «Маленький человек» // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2003. С. 485, 494.
2. Пискунова С., Пискунов В. Сокровенный Платонов: К выходу в свет романа «Чевенгур», повестей «Котлован» и «Ювенильное море» // Литературное обозрение. 1989. № 1. С. 17–29.
3. Платонов А. П. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М.: Информпечать, 1998. 544 с.
4. Чалмаев В. А. Андрей Платонов: (К сокровенному человеку). М.: Сов. писатель, 1989. 445 с.
5. Чалмаев В. А. «Надежды на высшую жизнь» [рецензия на повесть А. П. Платонова «Ювенильное море»] // Литературное обозрение. 1987. № 1. С. 56–59.

IMAGES OF “THE NEW ERA”, ITS ENTHUSIASTS, AND SUPERFLUOUS PEOPLE IN A. P. PLATONOV’S OEUVRE: CASE STUDY OF THE ANTAGONISTIC CHARACTERS OF THE NOVEL “THE JUVENILE SEA”

N. V. Chernyavskaya, E. M. Gudeleva

Vladimir State University
the Department of Journalism, Advertising and Public Relations

A detailed analysis of antagonistic characters in “The Juvenile Sea” by A. P. Platonov is made. This short novel is a hymn to humanity’s eternally young spirit, its endeavours and aspirations – so the writer views such historical and political phenomena as “so-

cialism”, “bolshevism”, “communism” as no more than starting points of great achievements of the spirit and uses them as synonymous concepts in the text of his short novel. The objective of this paper is to define the meaning of the opposition and peculiarity of the characters from each group. The analysis reveals the complex nature of the opposition of the characters, which is partly ideological and partly based on differences in their outlooks, philosophy of life, and self-consciousness. The intricacy of the characters from each antagonistic group is also noted. Building a new life, Platonov’s communist heroes combine altruism and romantic keenness on the common goal with ideological intolerance and cruelty towards dissentients. The image of the country’s post-revolutionary anti-hero (represented in the story by the figure of Umrischev) is not confined to his opportunist ideological status and is clearly related to the literary concepts of the superfluous man and the little man. The artistic space dedicated to the anti-hero is so significant that its special importance to the author can be suggested. Umrischev’s life story is studied in this paper as a string of life disasters – a series of defeats of the “superfluous man’s” attempts to deceive his destiny and doom. The below indicated traits of the antagonistic personages make the conflict between the groups of characters particularly intense and insoluble, showing Platonov’s dramatic vision of the post-revolutionary Russia.

Keywords: *the hero, anti-hero, antagonistic characters, Russian Literature of the twenties-thirties of the 20th century, “new era”, “superfluous man”, “little man”.*

Об авторах:

ЧЕРНЯВСКАЯ Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского государственного университета (600000, Владимир, ул. Горького, 87), e-mail: gpfaultak@gmail.com.

ГУДЕЛЕВА Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского государственного университета (600000, Владимир, ул. Горького, 87), e-mail: gudelena@yandex.ru.

About the authors:

CHERNYAVSKAYA Nadezhda Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Vladimir State University (600000, Vladimir, Gorkogo str., 87), e-mail: gpfaultak@gmail.com.

GUDELEVA Elena Mikhaylovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Vladimir State University (600000, Vladimir, Gorkogo str., 87), e-mail: gudelena@yandex.ru.